

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 27

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
УДК 348.55

Белоусова Марина Андреевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

generalvpered@icloud.com

Belousova Marina

M.V. Lomonosov Moscow State University

Faculty of law

Russia, Moscow

**НЕКОТОРЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА В XVIII ВЕКЕ**

Аннотация: автором представлен анализ некоторых наиболее распространённых правонарушений, которые совершались представителями православного духовенства в Российской империи в XVIII веке. В статье рассмотрены такие нарушения, как неслужение молебнов в царские дни и опущение царских панихид, невыполнение присяги, поддельные записи в исповедных книгах, ложные объявления о чудесах и небрежное обращение со Святыми Дарами.

Ключевые слова: православное духовенство, церковные наказания, Русская Православная Церковь, Тайная Канцелярия, церковный суд.

**SOME OFFENCES OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE XVIII
CENTURY**

Annotation: the author presents an analysis of some of the most common offences committed by representatives of the Orthodox clergy in the Russian Empire in the 18th

century. The article considers such offences as failure to serve prayer services on royal days and omission of royal requiems, failure to fulfil oaths, false entries in confession books, false announcements of miracles and careless handling of the Holy Gifts.

Key words: Orthodox clergy, ecclesiastical punishments, Russian Orthodox Church, Secret Chancellery, ecclesiastical court.

Изучение истории правонарушений православного духовенства в XVIII веке в российском государстве имеет огромное значение для современной церковноправовой науки. В этот период истории России происходили значительные изменения в общественной и политической жизни, в частности, в сфере церковно-государственных отношений. Насколько известно автору, специальных работ, посвященных историко-правовому анализу светских и дисциплинарных нарушений священно- и церковнослужителей в Российской империи, на данный момент не существует. Однако изучение этих нарушений помогло бы раскрыть механизмы взаимодействия государства и церкви, а также понять, какие факторы влияли на поведение духовенства и как они отражались на обществе. Рассмотрим далее некоторые из таких правонарушений.

1. Неслужение молебнов в царские дни и опущение царских панихид

Неслужение специальных молебнов в дни тезоименитства и панихид за упокой членов царской фамилии рассматривались как серьёзное преступление против государя. Данное опущение могло считаться оскорблением чести государевой [1, с. 80] либо измышлением вреда императорскому здоровью. Ещё при Петре I состоялось громкое дело архимандрита Александро-Свирского монастыря Александра, обвинённого в «непраздновании во дни тезоименитств» государя и его супруги [2, с. 79], после которого и появилось правило об обнажении от сана и отправлении в Тайную Канцелярию всех духовных, обвиняемых в названном нарушении. Однако в первые десятилетия XVIII века данные правонарушения ещё не приобрели масштабного характера и

рассматривались в основном архиереями на местах (Дикастерией в Синодальной области).

В 1734 году определением Синода были установлены табели и реестры высокотожественных и викториальных дней, а также определена обязанность служения панихид по умершим членам императорской фамилии не только для церквей, в которых тела соответственно положены (в основном речь шла об Успенском и Архангельском соборах Московского Кремля), но и по всем епархиям и ставропигиальным монастырям. В результате, как отметит спустя три десятка лет член Святейшего Синода епископ Порфирий, священники получили такую нагрузку, что не имели возможности даже обратиться в суд с жалобой на обиды, учиняемые помещиками: отлучка от прихода означала пропуск соответствующего богослужения [3, с. 620]. С появлением табелей последовали многочисленные доносы на пропуски установленных «царских» молебнов, и случайные опущения стали относить к намеренному оскорблению чести государя. В 1734-1735 годах рассмотрение дел по неслужению «царских» молебнов осуществлялось Синодом с отправлением результатов в Тайную Канцелярию для окончательного решения [1, с. 80]. По предписанию Синода от 22 октября 1735 года в связи со значительным потоком дел исследование данного рода дел вернулось к епархиальными архиереям и Дикастерии в Синодальной области, а в 1736 году и Тайная канцелярия переложила свои полномочия по решению данных дел на местную духовную власть.

До установления табелей и реестров «царских» молебствий наказания за пропуск богослужений в день тезоименитств членов царской семьи были сравнительно менее строгими. В 1722 году игумен, не отслуживший молебна в день тезоименитства цесаревны Елизаветы Петровны, был послан под начальство в другой монастырь, а Святейший Синод даже позаботился о сохранении его вещей. В 1730 году Синод предписывал Дикастерии наказывать не служивших молебны священников Синодальной области телесно и посылать под начальство в монастыри. С 1734 по 1736 год уже означенное наказание

сочеталось со снятием сана – обязательным перед отправлением в Тайную канцелярию. Это можно объяснить резко возросшим числом доносов, а следовательно, и дел по данным правонарушениям, и неизбежно последовавшим желанием властей купировать возникший рост с помощью традиционного средства – ужесточения наказания.

Епархиальные архиереи, сменившие Тайную Канцелярию в ведении дел по неслужению «царских» молебствий, сохранили традицию назначения чрезмерно жестоких наказаний за данные правонарушения. И.К. Смолич подчёркивает низкий моральный уровень епископата XVIII века, представители которого, облечённые административной властью, смешивали её с «чувством религиозной ревности» (по выражению П. Знаменского), а точнее, ревностно осуществляли свою службу в соответствии с «духом времени» [4, с. 303-304]. Строгость наказаний архиереев стала коробить даже Святейший Синод, и в 1766 году получил высочайшую резолюцию его доклад о смягчении наказаний до умеренных епитимий и штрафов в пользу богаделен при архиерейских домах. Екатерина II также указала на необходимость считаться «с человеческими немощами и с добрым в священстве поведением». Как отмечают исследователи, именно эта благоприятная резолюция вдохновила Синод на издание в 1767 году указа о запрете телесных наказаний священников и иеромонахов [5, с. 145]. В 1771 году такой запрет был распространён и на диаконов. К сожалению, до 1797 года он так и остался на бумаге.

2. Невыполнение всеподданнической присяги

Известная авантюра членов Верховного Тайного Совета, связанная с приходом к власти Анны Иоанновны, не сказалась положительно на уверенности в собственной власти новой императрицы и её приближённых. С именем этой императрицы некоторые авторы соединяют весьма экспрессивные выражения: «время разнузданного политического сыска, террора и казней, которые обрушились и на духовенство» [6, с. 159]. Императрица чувствовала нестабильность своего положения особенно остро и потому, что долгие годы

прожила за пределами Российского государства, не имела поддержки среди российской элиты и окружила себя немцами во главе с любезным её сердцу Бироном. И.К. Смолич указывал, что недоверие, возникшее у Анны Иоанновны к русскому духовенству, можно объяснить её страхом перед сомнениями населения в её православности [4, с. 114]. Поэтому 4 февраля 1730 года, сразу после обнародования манифеста о вступлении на престол и о присяге новой императрице, Синод разослал присяжные листы по епархиям. В указе, полученном в Санкт-Петербургском Духовном Правлении, было обозначено, что тексты присяг рассылаются *«особливо же для привода к той присяге духовных персон, высших и нижних, священного и монашеского чинов, и церковных служителей»* [7, с. 168-169]. В 1731 году новое правительство потребовало повторной присяги императрице и её «высоким наследникам». Помимо всего прочего, указ о повторной присяге был объявлен в очень неудобное для священнослужителей время – 17 декабря – когда в связи с предстоящим праздником Рождества Христова священники были загружены службами и обходом прихожан. Несмотря на то, что упущение присяги грозило серьёзными проблемами, и духовенство постаралось прийти к ней незамедлительно, правительство с неудовольствием обнаружило значительное число священно- и церковнослужителей, а также их детей, не принявших присягу. В простой забывчивости или дисциплинарном правонарушении власти увидели дело политическое и нежелание признавать новую императрицу.

Следствие по делам о неприсягавших проводилось в Тайной Канцелярии – для мест, близких к Петербургу и Москве, и в специальных комиссиях – в более отдалённых епархиях. Основным наказанием было телесное с последующим приводом к присяге. Например, в 1734 году священник Фёдор Михайлов был отправлен Тайной Канцелярией, по учинении «нещадного наказания плетью», в Святейший Синод для приведения к присяге, которую он не принёс вовремя «по недознанию». Однако со временем правительство начало пользоваться нарушением указов о присяге как предлогом для пополнения армии (к 1736 году

возникла острая необходимость в новых солдатах, так как шла русско-турецкая война): с 1736 года началась печально известная аннинская кампания по разборам духовенства, а Б.В. Титлинов указывает, что государство обеспечивало священнослужителями Сибирь с помощью ссылок «проштрафившихся» с семьями «на житие вечно» [8, с. 92].

В 1735 году Святейшим Синодом было запрещено поставлять в духовный чин всех, кто не принёс присягу в 1730 и 1731 годах (кроме не достигших на тот момент 8 лет и поступающих из податных сословий). Вопрос был настолько важен для государства, что традиционно имевшие значительную власть на местах епархиальные архиереи не могли не подчиниться указу беспрекословно: когда архиепископ Черниговский Иларион распорядился привести присяге в 1736 году всех не присягнувших вовремя, Синод объявил эту присягу недействительной. К 1738 году разборы и запреты довели духовное сословие до того, что многие церкви остались без священнослужителей вовсе. К тому же в 1737 году сгорел Сенатский архив, а в нём хранились присяжные листы - официальные списки принесших присягу, поэтому 9 апреля 1739 года в Тайную Канцелярию была отправлена резолюция Святейшего Синода, согласно которой необходимо было верить поданным духовенством «сказкам» и не чинить препятствий в занятии должностей священнослужителей. Поэтому же решению в случае, если выяснялся пропуск присяги действующим священнослужителем, назначалось наказание в виде штрафа, без лишения священства и отдачи в солдаты. В этом же документе упоминается определение Святейшего Синода от 15 мая 1738 года, согласно которому должен был решаться вопрос об отдаче священнослужителей в военную службу. Найти текст данного определения не удалось, однако, вероятнее всего, этим документом было запрещено забирать белое духовенство в солдаты там, где других священников и причетников нет, а новое определение Синода (от 9 апреля 1739 года) уменьшило штраф, заменивший это наказание, с 50 до 30 рублей. Впрочем, смягчение наказаний к

концу правления Анны Иоанновны кардинально ситуацию нехватки священников не изменили.

Неудивительно, что восшествие на престол дочери Петра Великого Елизаветы Петровны духовенство встретило ликованием и восторженными проповедями [9, с. 69-73]. Новая императрица надежды подданных оправдала, и ознаменовала восшествие на престол указом от 28 апреля 1740 года о возвращении прежнего звания всем духовным, лишенным за преступления по должности, а также многократно упоминавшимся выше всемилостивейшим манифестом от 15 декабря 1741 года о прощении преступников и сложении недоимок, под действие которых попали и представители духовенства, отданные в солдаты при Анне Иоанновне. В июне 1740 года Святейший Синод подал императрице доношение об отпущении вины всем, не принесшим присягу 1730 и 1731 гг. вовремя без «противного умысла». Бывшие представители духовенства, отправленные на военную службу, имели возможность подать донесения о возвращении их к церквам: Святейший Синод отпустил вину по манифесту 1741 года, например, церковнику Михаилу Васильеву, и отослал его для определения в причт к московскому архиепископу.

Как уже отмечалось, духовенство серьёзно пострадало от разборов неприсягавших в правление Анны Иоанновны. В умах современников такая жестокость к православным священнослужителям и причетникам связалась с немецким окружением императрицы, её нелюбовью ко всему русскому и к русской земле в целом. Несомненно, наказания были чрезмерно жестоки для дисциплинарных по сути правонарушений. Однако значительное число этих нарушений и подробности дел заставляют критически относиться к дисциплине белого духовенства и порядку епархиального управления. Отсутствие грамотной организации связи духовного начальства с рядовыми священно- и церковнослужителями, а также банальное неподчинение священников и причетников распоряжениям соответствующих властей приводили к печальным

последствиям, которые стараниями аннинского правительства стали более заметны и чувствительны для самого духовного сословия.

3. Поддельные записи в исповедных книгах как пособничество раскольникам

Проблема борьбы официальной Церкви и государства с расколом в XVIII веке не утратила своей остроты в сравнении с веком семнадцатым. Но проведение политики по выявлению раскольников не могло осуществляться только центральной властью, необходимо было обеспечить её реализацию на местах. Логично, что основными деятелями в кампании по выявлению раскольников должны были стать приходские священники, близкое знакомство которых с делами прихожан справедливо презюмировалось. От священников требовались подробные и честные доносы о том, кто в их приходах принадлежит к расколу. И.Т. Посошков в доношении Стефану Яворскому в 1704 году выражал мнение о том, что на исповеди священника его духовник должен прежде всего спрашивать, не укрывал ли тот раскольников и не называл ли их своими духовными детьми [10, с. 9-10].

Пётр I отнёсся к проблеме раскола в целом довольно прагматично, установив двумя указами в 1716 году двойной подушный оклад для старообрядцев. Однако этот прибыльный для государства проект нужно было реализовывать, а раскольники с небольшой охотой позволяли правительству наживаться на их убеждениях. Поэтому в тех же указах 1716 года была установлена обязанность ежегодно исповедаться по страхом штрафа. Чуть позже в Духовном регламенте 1721 года будет отмечено, что «несть лучшаго знамения, почему познать раскольника, чем ежегодное причащение». Лица неисповедовавшиеся попадали в «зону риска» и должны были находиться под пристальным взглядом местного священника. Для упорядочения надзора именным указом 17 февраля 1718 года было положено «историческое начало» исповедным ведомостям, в которых священники были обязаны указывать исповедовавшихся и неисповедовавшихся, а также раскольников [11, с. 1119].

Известно, что попытки ведения таких ведомостей осуществлялись и в XVII веке, однако исследователи не могут делать выводов об их успехе [12, с. 716]. Тем же указом 1718 года устанавливалась и первая мера наказания для священников, писавших неисповедовавшихся исповедовавшимися: штраф в размере 5, 10, а в третий раз 15 рублей, в четвёртый раз – лишение священства. Однако меньше, чем через месяц, 16 марта 1718 года, Пётр ужесточил наказания до лишения священства и отсылки к гражданскому суду и на каторгу. Синод показывал тенденцию к одновременному применению двух, по сути, взаимоисключающих указов: штраф по указу 17 февраля в случае написания неисповедовавшихся исповедовавшимися «по забывчивости», и лишение священства и отсылка к гражданскому суду по указу 16 марта – «вымыслом и подлогом».

Несмотря на то, что по прямому содержанию именных указов 1718 года роль духовных властей в осуществлении наказания сводилась к лишению священства и отсылке к гражданскому суду, Святейший Синод и даже епископы порой имели возможность серьёзно влиять на тяжесть налагаемого наказания. С одной стороны, духовных суд мог смягчить наказание по своему рассуждению о личности виновного. Так, например, суздальский епископ Иоаким в 1730 году отвёл предусмотренную указом 16 марта отсылку к гражданскому суду от попа Бориса, негодного к работе по старости и слабости здоровья, при рассмотрении его дела Святейшим Синодом; вместо того Борис по лишении священства был отправлен под начальство в монастырь даже с возможностью пострига в монахи. С другой стороны, особо «ревностные» архиереи выказывали выходящую за указные рамки жестокость в отношении провинившихся подчинённых. Так, пользовавшийся неограниченным кредитом доверия государя епископ нижегородский Питирим, ревностный борец с расколом, «выбивал» плетью из священников признание в сокрытии раскольников и ложных записях в исповедных книгах [13, с. 59]. Священники Петров и Иванов, лишённые сана в 1723 году, вынуждены были сказать «слово и дело» и жаловались в Синод на жестокое обращение архиерея. Показательно, что жалоба оставлена без

рассмотрения – и жалобщики не подверглись наказанию за ложный донос. Вероятно, в Синоде понимали, что для жалобы основания были, однако оценивать поведение императорского приближённого было для духовной коллегии невозможно.

Подложные записи в исповедных книгах были явлением весьма распространённым. Отчасти это может объясняться сочувственным отношением рядового духовенства к движению раскольников. Иногда священники даже решались на исполнение раскольничьих треб, что, естественно, выдавало их принадлежность к расколу и приводило к безусловному лишению сана.

4. Ложные объявления о чудесах и суеверия

Одним из самых серьёзных преступлений по мнению правительства XVIII века являлось провозглашение ложных чудес. Опасность данного правонарушения состояла в том, что сообщение о каком-то чуде было для религиозного и не слишком образованного народа большим «соблазном» и обманом. Исходящее от священно- или церковнослужителя, подобное объявление было ещё более опасно: народ верил своим пастырям, которые профессионально занимались вопросами чудес, а значит, и должны были говорить правду.

В 1721 году состоялся суд над бывшим дьячком Василием Ефимовым, который организовывал чудесное «благоухание» от иконы путем воскурения ладана и кропил иконы водкой, при проведении которого Канцелярия попала в затруднительное положение. Для экстракта по делу не находилось правил Кормчей книги и законодательных установлений. Святейший Синод назначил наказание, основываясь на нормах Соборного Уложения (1статья 1 глава, 13 статья 22 глава) – смертную казнь через сожжение. В 1722 году Пётр I написал резолюцию на вопрос Синода о мерах по отношению к лицам, объявлявшим ложные чудеса, по которой наказание изменилось на вечную ссылку на галеры с вырыванием ноздрей. Занимательно, что Е.В. Анисимов считает эту норму истоком «циничного» отношения Тайной Канцелярии при встрече с «пророками,

блаженными и святыми» [2, с. 372-373]. Интересно было бы узнать, выражало ли ранее применявшееся наказание в форме сожжения достаточный трепет перед проявлениями чудотворной «самодеятельности», спекулировавшей на народной темноте и религиозных предрассудках.

Встречались в синодской практике дела о так называемых мнимых мощах. Священнослужители получали от третьих лиц заявления о нетленности неизвестных трупов и исходящих от них чудесах. Эти заинтересованные лица (помещики, например) строили часовни, изготавливали раки и жертвовали драгоценности для «мощей», а доверчивые священники и дьяконы проводили над ними службы. За такие нарушения (а приходское духовенство было обязано сообщить епархиальному архиерею об открытых мощах) также следовали довольно строгие наказания: лишение священства, наказание плетью и отсылка на монастырские труды до конца жизни, — хотя эти наказания были не так суровы, как при другом оглашении чуда. Думается, здесь наказание смягчалось из-за того, что преступление состояло не в активном измышлении чуда, а в пассивном доверии или недоразумении. Несмотря на то, что доверие к ложным чудесам обозначается в Библии как отступление от веры, духовное начальство понимало проблему необразованности приходского духовенства, и видело в подобных правонарушениях скорее следствия этой последней, чем реальную испорченность. Разумеется, священнослужение таким лицом продолжаться не могло, и необходимо было изолировать его от общения с населением, однако отправлять на галеры всё же необходимым не считалось.

Выявление разного рода суеверий оставалось важной задачей правительства, и не только как борьба за чистоту веры, но и для сохранения общественного спокойствия. В 1733 году Синод поручил епархиальным архиереям и управителям духовных дел провести проверку на наличие суеверий в среде приходского духовенства, а в 1737 году епархиальным архиереям было предписано строго наблюдать за возникновением в народе различных суеверий. Очевидно, что истоком этой проблемы было невежество и темнота основной

части населения, с которой государство не было готово бороться ни в XVIII, ни даже в XIX веке.

5. Нарушения в обращении со Святыми Дарами

Одним из немногих видов правонарушений русских священников в XVIII веке, на которые не было обращено всевидящее око обретшего активность в церковных делах государства, были нарушения в обращении со Святыми Дарами. В основном к данному виду нарушений можно отнести пролитие Святых Даров по разным причинам, оставление их в неустановленном месте, потеря запасных Святых Даров. Отсутствие внимания со стороны государства к данным нарушениям вполне понятно: государственный интерес здесь никоим образом не затрагивался, тем более что в большинстве случаев это совершалось случайно. По данному вопросу не было издано сколько-нибудь значимых именных указов или определений Синода, и Церковь руководствовалась помещёнными в Кормчую книгу рассуждениями Иоанна Китрожского [14, с. 300] и 158 правилом Номоканона [14, с. 299]. Случались и курьёзные ситуации, когда подходящей нормы не обнаруживалось: архиепископ Псковский Варлаам, вынужденный осуществлять духовный суд над продавшим Святые Дары ключарём, нашёл такое святотатство беспрецедентным, а злосчастного ключаря – подобным «второму Иуде».

Для понимания причин назначения тех или иных наказаний, необходимо разъяснить отношение к Святым Дарам в православном христианстве. Святые Дары представляют собой хлеб и вино, которые во время таинства Евхаристии прелагаются Духом Святым в истинное Тело и в истинную Кровь Иисуса Христа [15, с. 552]. В литературе для мирян они определяются как «огонь, пожигающий всякий грех и всякую скверну» [16, с. 8]. Очевидно, что к вещам, предназначенным для такого значимого таинства, требуется особо трепетное отношение, отсутствие которого трактуется как святотатство. Однако духовное начальство понимало, что службу проводят живые люди, которые могут из-за старости, болезни или добросовестной ошибки нарушить строгие правила.

Соответственно, наказание различалось в зависимости от умысла, наличествовавшего в поведении нарушителя. Если священник во время богослужения случайно проливал Святые Дары, ему либо назначался прямо установленный 158 правилом Номоканона шестимесячный запрет священнодействия (с отправлением на мукосейные труды в монастырь), либо применялось правило Иоанна Кирожского, по которому запрет устанавливался на несколько дней. Известен случай, когда Святейший Синод освободил священника от запрещения: пролившему Святые Дары попу Иванову была назначена епитимья в 10 ежедневных поклонов и довольно необычная обязанность публично повиниться и просить прощения у Бога.

В случае, если нарушения в обращении со святыми дарами были вызваны небрежностью по отношению к ним, речь шла уже не о малом грехе казуса, а о невыполнении должностных обязанностей: например, оставление Святых Даров в недолжном месте, потеря запасных Святых Даров, небрежное хранение, приведшее к порче. В этом случае назначалось более длительное запрещение, тягчайшие монастырские труды (мукосейные труды считались легчайшими) и даже телесное наказание.

Стоит отметить, что в делах XVIII века не отмечается отношения к нарушениям в обращении со Святыми Дарами как к святотатству. Эти нарушения воспринимаются либо как случайность, наказание за которую имеет только воспитательную цель – повысить внимательность священника, либо как дисциплинарное правонарушение. Явный элемент сакральности в наказании появляется тогда, когда сам служитель, удрученный собственной неаккуратностью в обращении со святынями, обращается к Святейшему Синоду с просьбой об очистительном наказании. В вышеупомянутом деле попа Иванова назначение публичного покаяния было вызвано тем, что священник не смел совершать литургию без благословения Святейшего Синода после пролития Святых Даров. Довольно скептическое отношение органов церковного управления к делам, не касавшимся непосредственно интересов государства, хоть и имевших

важное значение в плане религиозном, говорит о начавшейся секуляризации государственной и общественной жизни. Вопросам собственно религиозным будет уделяться всё меньше внимания.

Список литературы:

1. Розанов Н. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода. Ч.1. — М.: Синодальная тип., 1869.
2. Анисимов Е.В. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. — М.: Новое литературное обозрение, 1999.
3. Барсов Н.И. К истории законодательных работ по духовному ведомству в царствование императрицы Екатерины II. // Христианское чтение. 1877. №11-12.
4. Смолич И.К. История русской церкви. 1700-1917. Часть первая. — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря. 1996.
5. Знаменский И.С. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла. — М.: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1880.
6. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. — М.: Русская панорама, 2003.
7. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 2. — СПб., 1871.
8. Титлинов Б.В. Разборы духовного сословия при императрице Анне Иоанновне // Христианское чтение. 1904. №1.
9. Веденяпин П. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православный вестник. 1870.
10. Срезневский В.И. Сборники писем И.Т. Посошкова к митрополиту Стефану Яворскому. — СПб, 1900.
11. Лопухин А.П. Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. Том V. — СПб, 1900.
12. Смирнов С.И. Русские духовники и раскол старообрядчества. // Богословский вестник. 1913. Т.3. №12.

13. Августин (Синайский), архим. Отношение русской церковной власти к расколу старообрядчества в первые годы синодального управления при Петре Великом. — СПб.: Синодальная тип., 1895.
14. Павлов А.С. Номоканон при Большом Требнике. — М., 1897.
15. Давыденков О., прот. Догматическое богословие. — М.: Издательство ПСТГУ, 2019.
16. Гумеров П. Таинство причащения (Евхаристия). — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.